

<https://doi.org/10.31146/1682-8658-ecg-204-8-211-215>

Судьба Якова Сауловича Циммермана

Вологжанина Л. Г.¹, Федотова С. Л.²¹ ФГБОУ ВО «Пермский государственный медицинский университет им. академика Е. А. Вагнера» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 26).² Журнал «Пермь» (Россия, 624260, Свердловская обл., г. Асбест, ул. Ленинградская, 33–153).**Для цитирования:** Вологжанина Л. Г., Федотова С. Л. Судьба Якова Сауловича Циммермана. Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2022;204(8): 211–215. DOI: 10.31146/1682-8658-ecg-204-8-211-215

EDN: ZGDNVN

Вологжанина Людмила Георгиевна, к.м.н., доцент кафедры факультетской терапии № 1

Федотова Светлана Леонидовна, журналист

✉ Для переписки:

Федотова Светлана Леонидовна

2412614@mail.ru

<https://doi.org/10.31146/1682-8658-ecg-204-8-211-215>

The fate of Yakov Saulovich Zimmerman

L. G. Vologzhanina, S. L. Fedotova

¹ Perm State Medical University named after academician E. A. Vagner Ministry of Health care of Russia (614099, Perm Region, Perm — City, Petropavlovskaya St., 26).² Magazine "Perm", 624260, Sverdlovsk region, Asbest, Leningradskaya St., 33–153).**For citation:** Vologzhanina L. G., Fedotova S. L. The fate of Yakov Saulovich Zimmerman. *Experimental and Clinical Gastroenterology*. 2022;204(8): 211–215. (In Russ.) DOI: 10.31146/1682-8658-ecg-204-8-211-215

✉ Corresponding author:

Svetlana L. Fedotova

2412614@mail.ru

Lyudmila G. Vologzhanina, Candidate of Medical Sciences, assistant professor of the Faculty Therapy Department № 1;

ORCID: 0000-0003-3105-4645

Svetlana L. Fedotova, journalist

1 августа 2022 года исполнилось бы 100 лет выдающемуся российскому врачу и ученому Якову Сауловичу Циммерману (1922–2020 гг.)

Он писал всю жизнь и делал это блестяще, был постоянным автором журнала «Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология», в котором выходили не только его статьи, но и рецензии, и портреты выдающихся ученых. По учебникам, которые написал Циммерман, учатся студенты медицинских ВУЗов страны, его монографии по гастроэнтерологическим проблемам всегда были востребованы – они обгоняли научную мысль на 20–30 лет, а книга, которую он написал о своей жизни – «XX век. Время и судьба человека» (Пермь, 2010) – читается как увлекательный роман, только интереснее: все не придумано. Жаль, что тираж ее ничтожен: судьба этого ученого – вдохновляющий пример того, как нужно служить профессии и как следует жить.

Последнюю статью он написал месяца за три до смерти и сказал, что не будет больше этого делать. Ему шел 99-й год. Жаль, что никто не подсказал ему работать над чем-нибудь художественным, а так, он стал говорить: «мне неинтересно жить».

Всю предыдущую жизнь было наоборот, страшно интересно: не только увлекательные научные исследования и поиск истины радовали его, но и судьба его сложилась так, что скучать не приходилось. За новым вызовом следовал другой. На его долю выпали почти все главные коллизии XX века, за исключением, разве что, революции. Он все преодолел, пройдя, в том числе, войну. Начав с самых низов, с участкового терапевта, впрочем, нет – с военного фельдшера, он стал одним из самых авторитетных ученых в своей отрасли и получил звание почетного гражданина неродного ему города Перми.

Из его непростого детства в семье сохранилась зачитанная и сильно потрепанная книжка с забавными картинками, которая была подарена в канун нового, 1927 или 1928 года княгиней Волконской, с семьей которой они жили в одной киевской коммуналке. Там еще и баронесса Герстенфельд ютилась. «Обломки аристократических родов» жили в одной квартире с фельдшером, машинистом паровоза, нэпманом, эстрадным артистом, управдомом, совслужащим. «Вся эта разношерстная публика уживалась довольно мирно, без ссор и скандалов, уравненная в своей нищете», – пишет Яков Циммерман.

Его отец был советским хозяйственным руководителем. Сначала возглавлял деревообделочный комбинат, а после руководил строительством первого в Киеве спортивного комплекса – стадиона «Динамо». Мать, немка, плохо говорившая по-русски, была домохозяйкой.

Семья жила по советским меркам очень даже неплохо: на работу отца возил 6-местный лимузин – это все равно, как сейчас летать на работу на вертолете.

Яков Циммерман видел не только НЭП, но и голод 1930-х годов, крестьян, которые сидели и лежали вдоль улиц, одетых в лохмотья: «я помню маленьких изможденных детей, сидевших на мешковине рядом с уже мёртвыми, вспухшими от голода родителями... Этого ни забыть, ни простить нельзя».

В Киеве началась любовь к художественной литературе. Он запоем читал и классику и приключенческие книги, параллельно увлекаясь шахматами. В 1935 году в Киев приехал экс-чемпион мира гроссмейстер, непобедимый Касабланка. В числе прочего, в рамках визита, он дал сеанс одновременной игры на 25 досках. Яков Циммерман: «Я играл против него сицилианскую защиту и стойко отражал атаки. (...) Он предложил мне ничью, которую я с неописуемым восторгом принял».

Отец Якова Циммермана благополучно прошел несколько «чисток», но в 1936 году очередь дошла и до него. «В течение одного июльского дня мы из уважаемых добропорядочных граждан превратились в отщепенцев, изгоев, бесправную семью «врага народа», – вспоминает профессор. Мать с Яковом была выслана в Ижевск, позже арестовали и ее.

Так Яков Циммерман оказался в детском доме «особого режима» в поселке Лаишево (Татария), который был переполнен. Дети врагов народа прибывали каждый день. По воспоминаниям, там царил вопиющая антисанитария, все дети были завшивлены, постельное белье менялось редко. При этом, одет был Яков в приличный костюм, который, впрочем, был у него единственным – в тот вечер, когда арестовали мать, он собрался на спектакль Ижевского драмтеатра.

Единственным событием, которое осталось в памяти от того, детдомовского периода, стало то, как герой-челюскинец Отто Шмидт прогуливается вдоль берега реки, высокий, одетый в щеголеватую кожаную куртку на меху и невиданные высокие сапоги со шнуровкой. Он приехал в Татарию как кандидат в депутаты в Верховный Совет, а ученик 8 класса и сын «врага народа» Яков Циммерман шел из поселковой школы.

К счастью, случилось чудо и мать выпустили из тюрьмы и пребывания в детском доме не затянулось дольше учебной четверти.

В Ижевске, на сцене заводского Дворца культуры он увидел девушку своей мечты – Августу. Будущая жена читала стихи. Они прожили вместе 76 лет и стихи уже сочинял он ей. И мысленный обет давал: «Ты никогда не пожалеешь, что выбрала меня». Но до свадьбы им пришлось пережить много испытаний: ей – ленинградскую блокаду, ему – войну в действующей армии. Из мужчин, которые родились в 1921–22 годах в живых остались только 3 процента и он один из них.

Когда в 16 лет он получал паспорт, то нужно было заполнить графу «национальность»: по матери он был немец, по отцу еврей. Он выбрал второе и это спасло его от трудармии, которая была, по сути, концлагерем – несколько его знакомых пропало там.

На войну Яков Циммерман, студент 2 курса Московского института связи, был призван 16 октября 1941 года, когда в Москве уже была паника: люди спешно покидали столицу, на вокзалах было столпотворение и такая деталь: продукты питания продавали без талонов. Мол, все равно достанется врагу. И вот в этой неразберихе, когда мир летит в тартарары, Яков Циммерман, как он пишет, начинает «свою собственную биографию». И подчеркивает эту фразу. Что имеется в виду? Когда в военкомате у него забрали паспорт с ненавистной отметкой «сын репрессированного врага народа», то, не глядя, бросили его в большой мешок. Это уже было неважно.

Так, сугубо штатский молодой человек стал военным. Его зачислили в Коммунистический батальон московских рабочих по защите Москвы. Правильнее было назвать его народным ополчением: собрали всех, кого было можно и экипировали соответственно. Например, им выдали буденовки, вместо шинели – телогрейки, а вооружили, в том числе, трехлинейными винтовками времен первой мировой войны и учебными станковыми пулеметами системы Максим. Невероятно, но этот период жизни Якова Циммермана попал на киноленту и в первые серии документального фильма «Неизвестная война», а фотоснимок с колонной бойцов, защитников Москвы, где он в первом ряду крайний слева, несколько десятилетий спустя много раз публиковался в центральных газетах Советского Союза в юбилейные дни битвы за Москву. Есть эта фотография и в личном архиве профессора – по его просьбе ему прислали копию из редакции газеты «Известия». Бойцы, которые хорошо понимают, что идут на смерть, – таким еще может быть подпись к этому фото.

Приходилось Якову Циммерману и участвовать в зимних марш-бросках к линии фронта с полной боевой выкладкой. В день они проходили 40 километров, останавливаясь на 10 минут каждый час с тем, чтобы дойдя до позиции, сразу вступить в бой. «Рядом со мной бежали, то падая, то вновь поднимаясь, мои товарищи и, несмотря на то, что появились уже первые раненые и убитые, я чувствовал себя неуязвимым», – пишет Яков Циммерман.

Однажды, во время наступления, Якову Циммерману было дано задание помочь командиру, тяжело раненому на поле боя. Перед этим все попытки незаметно подползти, оказать ему первую помощь и оттащить к кромке леса заканчивались неудачей – фашистский снайпер убил уже троих бойцов, которые пытались это сделать. И вот, взводный посылает это сделать Циммермана, который знает, что вероятность того, что его могут убить очень высока, но все равно, исполняет приказание. Он пополз по-пластунски к командиру и через несколько десятков метров почувствовал сильный удар в бок. «Я лежал неподвижно, хорошо понимая, что подстреливший меня немецкий снайпер, если поймет, что я жив, убьет меня следующей пулей». Через несколько часов, в сумерках, санитарам удалось вытащить раненых с поля боя и жизнь Якова Циммермана была не только спасена, но даже и переменилась. В госпитале он, чтобы помочь медсестрам, научился искусно делать самые сложные перевязки. Его послали учиться в военную фельдшерскую школу: «Нас кратко ознакомили с анатомией и физиологией человека, научили накладывать металлические шины Крамера и деревянные шины Дитерихса при ранениях конечностей, сказали, что при головных болях помогает аспирин, а при болях в животе – белладонна; показали, как хлорировать воду».

Яков Циммерман прошел всю войну, закончив её лейтенантом медицинской службы отдельного стрелкового батальона. Из Риги было сложно выбраться – перрон вокзала был заполнен демобилизованными солдатами и пробиться к дверям было невозможно. Тогда боевой товарищ помог Циммерману забраться в вагон через открытое окно – здравствуй, мирная жизнь!

Собственно, истоки бережности Якова Циммермана к чужой жизни именно здесь – в его юности и молодости. Как это ни парадоксально звучит, но в том числе и война сделала его чутким. Посмотрев смерти в глаза, он так стал ценить жизнь, что посвятил спасению людей всего себя. «У меня не было никаких сомнений, – говорил он, – куда идти и кем быть, я понял, что врачевание – мое призвание». Он поступил в Ижевский медицинский институт.

В послевоенном Ижевске было сложно жить, как впрочем, почти везде. Например, молодожены Яков и Августа попросили соседей по дому не выбрасывать картофельные очистки, а отдавать им, якобы для свиньи, которую откармливают родственники. А сами отмывали их от земли, прокручивали в мясорубке и делали оладьи на рыбьем жире, который в те годы продавался в аптеках. «Летом я собирал в городском саду крапиву и мы из нее варили суп», «мы были бедны, как церковные мыши», – такой была молодость Циммермана.

Во время учебы в Ижевском мединституте произошла встреча с ученым Александром Яковлевичем Губергрицем, которая, как пишет Циммерман, «во много определила всю мою последующую жизнь».

В то время подходы к лечению больных были своеобразными. Например, для лечения язвенной и гипертонической болезни в клиниках создавались специальные затемненные палаты. Считалось, что длительный сон может способствовать выздоровлению и потому больным давали не только

снотворные препараты, но и заставляли их спать с помощью внушения и гипноза. А. Я. Губергриц такие палаты отказался создавать, за что тут же был обвинен в очередном «изме», а его ученик Циммерман получил урок стойкости – именно таким должен быть настоящий ученый.

Ижевский медицинский институт Яков Циммерман окончил с отличием, получив, как это тогда называлось, «Диплом № 1». Затем три года проработал участковым терапевтом и только после этого по конкурсу поступил на кафедру терапии Ижевского мединститута к Губергрицу. Кандидатскую диссертацию Циммерман защищал в Перми – так получилось, в Ижевске не было ученого совета по защитам, а ближайшим городом, где он был, оказалась столица Западного Урала. Как впоследствии оказалось, это не было простой случайностью – уральский город вскоре стал для него родным.

Переезд в Пермь в 1959 году был и случаен и неслучаен: там ему пообещали благоустроенную квартиру и более высокую должность. Кроме того, как сказала его мудрая жена: «в Перми мы будем избавлены от бесконечных разговоров о необходимости выдвижения местных национальных кадров (удмуртов) на научно-исследовательскую работу в Ижевском мединституте». Увы, такая проблема была и этот фактор относился к числу важных. В любом случае, «пермская страница» биографии Циммермана началась.

Хочется написать, что в Перми он развернулся. Но нет, все было сложно. Не без разного рода препятствий, но все же именно Циммерман, используя связи, способствовал тому, что в городе появилась современная медицинская аппаратура. Пришли два аппарата из Венгрии, но в каком виде! Циммерман предполагал, что из-за венгерских событий 1956 года агрегаты при транспортировке не были закреплены должным образом. В итоге, вся начинка была разрушена. Но с помощью инженеров-конструкторов Мотовилихинских заводов удалось собрать один действующий. Кроме того, в Москве был приобретен первый советский электрогастрограф. В 1970 году в клинике Циммермана начал работать первый эндоскопический кабинет и исследования там проводил сам профессор.

Яков Саулович был блестящим лектором.

Валерий Александрович Черешнев, академик РАН:

— Впервые мы увидели Циммермана в 1964 году в стенах Пермского медицинского института, когда на третьем курсе он стал читать лекции на кафедре пропедевтики внутренних болезней. Молодой доцент – ему тогда было 42 – стал одним из самых любимых наших преподавателей. Он сразу привлекал к себе внимание: благородные черты лица, стройная, подтянутая фигура, врожденная интеллигентность, романтическая устремленность – настоящий доктор-профессор, всегда одетый с иголочки. Его лекции были содержательны и великолепны по форме.

Одним из требований профессора к сотрудникам своей кафедры было уважительное отношение к студентам. Он считал, что к ним следует обращаться на «вы» и называть по имени и отчеству. Тогда это было не сильно распространено. Неудивительно, что студенты его очень любили.

Людмила Вологжанина:

— Я навсегда запомнила первую лекцию профессора Циммермана, которую услышала на 4 курсе: она определила всю мою последующую деятельность на будущие годы. Я влюбилась в гастроэнтерологию. Его лекции были уникальны: сложный материал рассказывался доступным, литературным языком и каждую лекцию мы ждали как главу какой-то очень интересной книги. Он и цитаты великих людей вставлял очень к месту, что неудивительно: он автор книги «Мудрые мысли о медицине и врачевании». Он сам был афористичен и ценил это в других. К примеру, в статье об академике Василенко есть такие его высказывания: «То, что не подвергалось сомнению и критике, рано считать достоверным и доказанным» и «Язвы при язвенной болезни заживают при лечении, без лечения и даже вопреки лечению». Он не только был блестящим лектором, но и на научных конференциях выступал так, что их можно было сравнить с остросюжетным фильмом. Мы, его коллеги и переживали за него и гордились им: он не боялся отстаивать свои идеи, часть которых до сих пор непринята, а другая, теперь уже ясно, опередила мировую научную мысль на десятки лет. Яков Саулович многому меня научил и я считаю, что мне очень повезло. Сначала с ним познакомился, затем стать ученицей, а потом и другом настоящего гения. Он всегда говорил: «Ни дня без строчки!» и это стало и моим девизом тоже. Из ежедневных строчек сложилась моя диссертация, а позже, когда, казалось, совсем нет сил писать очередной эпикриз или статью, я вспоминала Якова Сауловича и бралась «за перо». Нашему гастроцентру, который расположен в Перми, после смерти профессора мы решили дать его имя: мы работаем по его заветам, так, как он нас научил – со всей ответственностью и по его методикам.

Но вернемся к судьбе профессора. В 1968 году Циммерман защитил докторскую диссертацию и ему сразу посыпались предложения возглавить кафедры в других мединститутах страны. Он задумался о переезде и даже выбрал город – Новосибирск, но ректор пермского медицинского института Т. В. Ивановская предложила ему занять должность заведующего кафедрой факультетской терапии. В этой должности он проработал 28 лет!

При кафедре была клиника и параллельно пришлось наладить ее работу, систематизировать диагностический процесс. Это, на самом деле, больше менеджерская работа, чем лечебная, однако, на деле, правильная организация процесса положительно сказалась и на выздоровлении больных и на микроклимате коллектива. А все вместе способствовало упрочению авторитета и кафедры, и лечебного учреждения, и профессора, и его коллектива. Он лично проводил ежедневные утренние врачебные конференции («линейки») с докладами дежурных врачей и обсуждением их действий в экстремальных ситуациях. Кроме того, раз в неделю проводились профессорские обходы, а тяжелые больные, диагноз которых неясен, осматривались им безотлагательно, по мере необходимости.

К слову, Циммерман аргументированно и очень ярко выступал против внедрения современной

системы лечения, основанной на стандартах и алгоритмах. Он считал, что такой подход возможен только при неотложных состояниях, когда продление смерти подобно, но в обычной жизни, когда спешки нет, это вступает в непримиримое противоречие с требованием индивидуального подхода к каждому больному.

Но вернемся в 60-е годы. Только за первые пять лет заведования кафедрой Циммерман подготовил шесть кандидатов и одного доктора наук, что по тем временам можно было рассматривать как большой успех – научные звания еще не были девальвированы и каждая научная работа его учеников несла что-то новое, расширяла знания о болезнях и методах лечения.

Сейчас диссертантов Циммермана более сорока, из них шесть – доктора медицинских наук.

Еще одно важное, но такое незаметное правило: профессор Циммерман настаивал, чтобы все сотрудники кафедры публиковали результаты своей научной работы в научно-медицинских журналах и сам показывал пример – за свою жизнь он опубликовал более 700 научных статей.

Постепенно пермская школа гастроэнтерологии становилась известна в стране и мире, рос авторитет ее научного руководителя – с докладами об актуальных проблемах он объездил весь Советский Союз, выступая на съездах различного уровня, конференциях, симпозиумах, пленумах и т.д. Сейчас уже можно говорить о том, что Циммерман создал свою научную школу ученых-гастроэнтерологов. По его инициативе в Перми был создан уникальный гастроэнтерологический центр, сеть кабинетов в поликлиниках и специализированные отделения в стационарах.

Огромное значение придавал Яков Циммерман издательской деятельности. Первые три монографии были написаны и изданы в 1960–74 годах в соавторстве с А. Я. Губергрицем. К слову, Циммерман был редактором почти всех научных статей и книг своего учителя, когда они вместе работали в мединституте – профессор Губергриц заметил, что филологически одаренный ученик, глубоко погруженный в тему, может значительно улучшить научный текст.

Затем был долгий период «молчания» – восемнадцать лет Циммерман не издавал и не писал книг, считая, что делать это нужно только если есть собственные научные разработки и концепции. В начале 1990-х годов время пришло и он написал великую книгу, которая стала итоговой, обобщающей его научной опыт. С «Очерков клинической гастроэнтерологии» (1992) начинается большой этап в жизни профессора: книги и монографии стали выходить почти каждый год. Всего он опубликовал 21 монографию. Сами «Очерки» стали буквально энциклопедией по гастроэнтерологии, вышли большим тиражом. О популярности и востребованности этой книги красноречиво говорит такой факт: ежегодно появлялись все новые и новые ее пиратские переиздания. «Очерки» были очень нужны практикующим врачам и «коммерсанты» чутко уловили спрос, разумеется, не платя автору гонораров.

800-страничная «Гастроэнтерология» Циммермана также неоднократно переиздавалась

и в 2012 году была отмечена высшей наградой РАН медицинских наук – премией по терапии и гастроэнтерологии как лучшая научная работа.

Еще одной великой книгой Циммермана является «Классификации внутренних болезней и комментарии к ним», выдержавшая несколько изданий. Она стала настольной книгой практических врачей и, надо сказать, аналогов ее в нашей стране не было и нет.

Уже упомянутая книга «XX век. Время и судьба человека. Воспоминания» является монументальным путеводителем не только по судьбе Якова Сауловича, но и по истории страны. Точные, четкие характеристики людей, с которыми сводила его жизнь, местами убийственные для репутации, местами, наоборот, раскрывающие человека совсем с другой стороны, перемежаются с его оценкой событий в стране, которые ему удалось пережить. Внимательный взгляд клинициста замечает мелкие детали и несколькими точными штрихами раскрывает контекст.

Одной из незаметных, но очень важных побед Циммермана является книга об истории пермской медицинской академии, над которой, по просьбе ректора Е. А. Вагнера он работал почти два года. Она получила название «От медицинского факультета до медицинской академии» (1996). Ее авторский коллектив насчитывает сорок человек, но и дирижером и первой скрипкой был Циммерман. Он подошел к этому заданию со всей ответственностью: работал в архивах, встречался с ветеранами, написал очерки о всех руководителях кафедр, составил библиографический список изданной за эти годы научной и учебной литературы. «Сейчас издание этой книги было бы невозможно, так как многие свидетельства и факты восстановить было бы уже нельзя: свидетели ушли из жизни, многие документы и фотографии утеряны», – писал он в 2010 году.

Циммерман, к слову, всегда был за чистоту науки, даже если это шло вразрез с господствующими веяниями и делал это не на местечковом уровне. Он, к примеру, очень сильно критиковал преувеличенную единоличную роль бактерии *Helicobacter pylori* в развитии заболеваний желудка и собственными практическими исследованиями доказал, что желудок колонизирует целая «мозаика» бактерий. Считал, что причины язвенной болезни – и тем более рака – по-прежнему неизвестны. Их нужно искать! На протяжении более двух десятилетий он категорически отрицал возможность существования чисто функциональных клинических синдромов и болезней, утверждая, что все они структурно-функциональные и отстаивая единство структуры и функции, был уверен, что с помощью электронной микроскопии, гистохимии, молекулярной биологии и генетики при всех так называемых функциональных заболеваниях можно установить наличие их «структурного эквивалента» – изменение клеточных мембран, ядерных и цитоплазматических органелл, рецепторного аппарата и т.п. За год до смерти вышла его монография, посвященная этому вопросу: «Критический анализ некоторых современных концепций в гастроэнтерологии» (2019).

Еще одно важное качество Якова Сауловича Циммермана – честность. Особенно он плохо относился к фальсификаторам от науки. Реакция Якова Циммермана была безжалостной: «Человек, запятнавший себя фальсификацией научных фактов не имеет морального права быть доктором наук, профессором, руководить научным коллективом. Для тех, кто способен подделывать научные факты, нет срока давности!»

Сам он был безупречно честен, оставаясь врачом старой военной закалки. Своих учеников он учил не только профессии, но и этике. Он всерьез считал, что нравственность – одно из важнейших качеств ученого. В одной из брошюр (2001 год), он писал о том, что самыми ценными качествами ученого являются творчество, любознательность, стремление разгадать тайны природы. Кроме того, важны беспристрастность, непредвзятость в оценке научных исследований, готовность отбросить прежние идеи и взгляды, если ни оказались ошибочными и начать все сначала в совершенно ином направлении. Важны также вера в успех начатых исследований, оптимизм, так как скепсис ни к чему не приведет.

«Карьеристы, – писал Циммерман в автобиографической книге, – недобросовестные научные работники, стремящиеся во что бы то ни стало самоутвердиться, действуют по принципу: “Цель оправдывает неэтичные средства ее достижения”, – они всю жизнь заняты не поиском научной истины, а погоней за получением высоких ученых степеней и званий, самовыдвижением и самопродвижением, беззастенчиво используя при этом “административный ресурс”, личные знакомства и связи».

Сам он был из «другого теста», и «пальцем никогда не пошевелил» в этом направлении. Сами пришли и всё дали: под конец жизни дождь наград и званий нашёл его. «В нашей стране нужно жить долго», – говорил Яков Циммерман на пресс-конференции, посвященной вручению ему главной награды Пермского края – Строгановской премии. К слову, получил он ее в 2010 году не в номинации «честь и достоинство», хотя, по возрасту, это было бы логично, а «за выдающиеся достижения в науке и технике». Ему тогда шел 83-й год, но он продолжал оставаться действующим ученым!

Нет смысла перечислять его другие звания, премии и ордена – они многочисленны – тем более, что сам он к ним относился так: «суета сует». Разве что выделим 17 боевых орденов и медалей, в том числе «За отвагу» и «орден Отечественной войны I степени» и неочевидную награду: фотографию Циммермана в альбоме «Город в глубине России: Пермь и пермяки». Последнюю только потому, что под фото Яков Циммерман сформулировал свое жизненное кредо: «За свою долгую жизнь я был свидетелем и невольным участником многих грандиозных и даже трагических событий. Я горжусь тем, что никогда ни перед кем не гнул спину и всего достиг сам повседневным целенаправленным творческим трудом. У каждого человека должен быть свой стержень, чувство собственного достоинства, порядочность, честность, умение сострадать другим людям. Милосердие».